

Николай Добролюбов

Русские песни

Николай Александрович Добролюбов

Русские песни

«...Многие поэты, так же как и многие светские люди, умеют скрывать свою несамобытность ловкими оборотами речи и иногда тем, что заимствуются разом у десяти поэтов. Таких поэтов много видали мы в нашей литературе; но не таков г. Мыльников, по поводу которого мы сделали все эти замечания; он не умеет прикрыть своих подражаний, и всякий, кто прочтет его, легко назовет даже именно ту пьесу Кольцова, из которой взято то или другое стихотворение г. Мыльникова. Его песни до противности близки по внешности к песням Кольцова; одного только в них нет: этой внутренней истины, о которой мы сейчас говорили...»

**Николай Александрович
Добролюбов
Русские песни**

*Сочинения Александра Мыльникова,
купеческого сына города Ржева, Твер-
ской губернии. СПб. 1859.*

Года три тому назад читали мы где-то отзыв о г. Мыльникове как о самоучке-поэте, вроде Кольцова, подающем большие надежды. Поэтому, когда вышли «Русские песни» г. Мыльникова, мы поинтересовались прочесть их и нашли, что он действительно вроде Кольцова, но надежд никаких подавать не может. На нем можно только изучать, каким образом та же самая мысль, то же самое чувство, выраженное почти теми же словами, получает оттенок пошлости, когда выражается не вследствие внутренней потребности человека, а с чужого голоса. Людей, поющих с чужого голоса, у нас бесчисленное множество, и многие из них пользуются даже уважением в обществе за свои сладкие и умные речи. Иных эти люди обманывают тем, что как-то умеют чужую, вовсе ими не переваренную мысль обточить в такие фразы, что она принимает вид довольно оригинальный, — иногда и безобразный, но все-таки как будто свой. Но не все обманываются. Много находится и таких людей, которые очень хорошо знают, откуда и как зашли в голову говорунов некоторые идейки и фразы, но, несмотря на

то, их похваляют на том основании, будто бы подобные фразы все-таки означают в говорящем их известную степень образованности и сочувствия к добру и истине. Не знаем – может быть, это и правда: в чужой душе хозяйничать очень трудно, – гораздо труднее, нежели в чужом кармане. Но для нас несомненно только одно: что кто желает и умеет делать настоящее дело, тот вообще избегает пустых фраз. Это не значит, чтобы дельный человек должен был непременно молчать и сидеть бирюком весь век. Нет, он тоже может быть красноречив, может увлекаться и увлекать своей речью, но только в таком случае, когда в самом деле вся душа его полна известным чувством или идеей. Он может говорить самые нежные речи, но только тогда, когда действительно влюблен; может произносить и угрозы, но это значит, что он их готов уже исполнить... И такого человека вы всегда отличите по тому, что у него та же самая фраза, которая опошлена для вас в речах других, выходит как-то совершенно просто и естественно: вы чувствуете, что тут ничего другого сказать нельзя было, и вместе с тем чувствуете,

что слово выкатилось не одной своей оболочкой, а со всей тяжестью своего внутреннего смысла. Такие люди и такие речи, впрочем, не часто попадаются в нашей общественной деятельности; с ними скорее можно встретиться в жизнеописаниях Плутарха, да и там их мало. Но все-таки есть известная грань, переходя за которую, человек оказывается более близким – или к человеку истинно дельному, или к фразеру; все-таки с иными вы можете долго говорить, например о Франции и Англии, просто по *гиду*, а с другими такой разговор недостаточен: нужно прочитать хоть путевые письма Н. И. Греча[1].

В поэтических натурах, отличающихся обыкновенно силою воображения (или творчества, как в старину говорилось), есть особенная способность реализовать идею и чувство не прямо самым делом, а поэтическим изображением. Поэт до того проникается своим чувством, что весь в него уходит и выражает его с чрезвычайной рельефностью и силою; он до того может увлечься своей идеей, что начинает видеть ее осуществление и рисует образы, в каких она должна про-

явиться. И вот основание, почему эстетическая критика утверждает, что человек с поэтическим талантом не должен и не может пускаться в холодную дидактику, а непременно должен представить свою идею в живых образах. Действительно, только тогда и может поэт истинно проникнуться идеей, когда она для него уже не отвлечение, а стоит на степени действительности, воплощается в живые образы. И вот почему так плохи все перефразировки великих поэтов, являющиеся под учтивым названием подражаний. Человек, читая поэта, понял его мысль, выразумел его чувство и начал выражать их по-своему: вот и явилось подражание. Но это подражание – фраза модного господина, не более; в нем схвачен только формальный, логический смысл – оттого оно вяло и пошло. Чтобы произвести в самом деле что-нибудь близкое к взятой пьесе поэта, надо самому дойти до такого же настроения, в каком он писал ее. Но человек с талантом, если дойдет до такого настроения, что молчать не может, то заговорит сам, по-своему; если же не сумеет придать своему чувству собственный, отдельный

характер, то прочтет, пожалуй, ту пьесу, которая подходит к его положению, да на том и покончит. Редко может случиться, что его собственный мотив бессознательно сойдется с мотивом другого и напомнит вам что-то уже знакомое; но и тут вы легко заметите искренность чувства, полное усвоение и переработку мысли и вследствие того найдете новые оттенки и не откажете в самостоятельном значении тому, что на первый раз показалось вам простым подражанием.

Многие поэты, так же как и многие светские люди, умеют скрывать свою несамобытность ловкими оборотами речи и иногда тем, что заимствуются разом у десяти поэтов. Таких поэтов много видали мы в нашей литературе; но не таков г. Мыльников, по поводу которого мы сделали все эти замечания; он не умеет прикрыть своих подражаний, и всякий, кто прочтет его, легко назовет даже именно ту пьесу Кольцова, из которой взято то или другое стихотворение г. Мыльникова. Его песни до противности близки по внешности к песням Кольцова; одного только в них нет: этой внутренней истины, о которой мы сей-

час говорили. И остается только внешнее содержание, отзывающееся совершенно голою фразой. вспомните, например, одно не из лучших еще стихотворений Кольцова: «Не скажу никому».

*Не скажу никому,
Отчего я весной
По полям и лугам
Не собираю цветов.*

*Та весна далеко,
Те завяли цветы,
Из которых я с ним
Завивала венки!*

*И тех нет уж и дней,
Что летели стрелой,
Что любовью нас жгли,
Что палили огнем!*

*Все прошло уж давно...
Не веротишь назад!
Для чего ж без него
Цветы стану я рвать?*

*Не скажу никому,
Отчего у меня*

*Тяжело на груди
Злая грусть налегла...*

Теперь посмотрите, что из этого глубоко прочувствованного стихотворения сделал г. Мыльников:

*Во широкой степи
На раздольных полях
Много дивных цветов
Расцветает весной.
Но они не пленят
Меня чудной красой;
Их не буду я рвать
И не стану собирать:
Мне венка для дружка
Уж из них не свивать.
Те и дни протекли,
Как искала я их,
И то время давно
Огнем будто сожгло.
Вы цветите ж, цветы,
Во широкой степи,
У меня ж в дни весны
Сердце вянет в груди.*

Нас поразила в этой переделке чрезвычайная обстоятельность, с которой рассказывает г. Мыльников. У Кольцова предполагается

уже известным, где и как растут цветы; он весь предан изображению чувства, занимающего девушку; у него видим только ее грусть, ее воспоминания. Г. Мыльников, напротив, считает нужным закруглить изображение чувства статистической заметкою: «В степи цветет много цветов; они очень хороши, но мне не нравятся; а почему не нравятся, тому следуют пункты». Точь-в-точь господин, который, проникшись сожалением к бедным мужикам, начинает в какой-нибудь гостинной важно и подробно излагать физиократическую систему!..

Подобным образом переделано г. Мыльниковым много других стихотворений Кольцова. Иногда он берет из Кольцова, всего несколько стихов и из них строит стихотворение. Например, вспомните «Совет старика». Там есть стихи:

*Поспешайте ж, юноши,
Наслаждаться жизнью,
Отпируйте в радости
Праздник вашей юности!
Много ль раз роскошная
В год весна является? – и пр.*

Из этих стихов г. Мыльников составил стихотворение, которое мы приведем, соединивши два стиха в один, так как г. Мыльников неизвестно почему постоянно разбивает один стих на два. У него, например, «выходила милая, распевала песенки» – четыре стиха, «выйду замуж я млада» – два стиха и пр.

*Други юных лет! Спешите
Жизни праздник пировать!
Знайте, знайте, – дни златые
Легче птички улетят.
Не глядите, что природа
Обновляет все весной;
Юность быстро пронесется,
И не будет вновь другой.
Так пируйте, друзья, младость,
Отпируйте счастье дней!
Отпируйте, проводите
Юность, юность веселей!..*

Опять та же прелестная обстоятельность и то же полное отсутствие искреннего, живого увлечения. У Кольцова старик говорит юношам, чтобы наслаждались жизнью; у г. Мыльникова сами юноши приглашают себя к наслаждению. Старик, сравнивая возрасты жизни с годовыми переменами, остается верен

поэтическому зрению, говоря:

*Не одно ль мгновенье
И весне и юности?*

Юноши г. Мыльниковы, например, сочиняют хрию[2] и делают «уступительное сравнение от противного». У них поэтический образ принимает следующий вид: «Хотя юность и сравнивают с весной, но на это не нужно смотреть, ибо весна каждый год является вновь, юности же в другой раз не бывает». Какая же уж это поэзия?

Не мудрено, что при таком отсутствии всякого поэтического чутья г. Мыльников доходит до сочинения барабанных стихов, долженствующих, по его мнению, иметь патриотический смысл:

*Русски храбрые солдаты,
В бой идите, как на пир, – и пр.*

Этих храбрых солдат он утешает, между прочим, такими резонами:

*Смерть удел есть неизбежный,
Всем нам должно умирать;
Но в бою кто жизнь окончит,
С тем и божья благодать...*

*Кому в битве господь судит
Свою голову сложить,
То известно вам да будет:
Церковь памятью почитит, – и пр.*

Прочитавши несколько русских песен г. Мыльникова, так и думаешь, что ему именно следует сделаться подражателем г. Бенедиктова, Татаринова и т. п. и воспевать войну, пожары, всеобщий прогресс – вообще предметы, требующие фразистого слога. О Кольцове этого никогда не подумаешь, даже читая самое слабое из его произведений. И вот разница между талантом и бездарностью!..

Комментарии

Имеются в виду книги Н. И. Греча «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (СПб. 1839) и «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (СПб. 1839, три тома).

[^^^]

2

Хрия – сочинение на заданную тему.

[^^^]